

Расшифровка интервью

Дата: 06.05.2016

00:00:37

Папа, собственно, по профессии он инженер. Работал когда-то на заводе Козицкого, где тогда радиоприемники выпускали. А, поскольку он был член партии с 1918-го года, то вся его дальнейшая жизнь, она была связана с этими партийными его нагрузками, назначениями. Его назначали и директором разработок торфяных под Ленинградом, Ларьянстрой, потом Жихаревские разработки. Ну, во всяком случае, под Ленинградом все это было. Так он по партийной линии, его перекидывали с места на место.

00:01:15

А в 1937-м году известно, как партийцев старых арестовывали. Собственно, ничего такого юридически грамотного здесь и безграмотного не было, просто старые партийцы все подлежали аресту. Но только потом выяснилось, что арест — это был расстрел. Так что и папа был расстрелян, как старый партиец, большевик в 1918-го года. И так закончилась его жизнь.

00:02:12

10 лет без права переписки, когда стало понятно, что это расстрел?

Позже, не сразу. Я сама ходила, я была старшая, и у нас было трое детей. Мама была очень большим человеком, поэтому все вот эти очереди в большом доме, приходилось иногда и трое суток в очереди, записывались, за день не успевали просто. Эта формулировка не сразу была внятной и понятной таким образом, что это расстрел фактически. Ну потом, конечно, это было уже понятно, это был стандартный такой ответ, ответ стандартный. Большой дом на Литейном, да, и сейчас так именуется, во всяком случае, среди населения. Так что, там все было. Там и люди стояли, родные выстаивали очереди, чтобы задать вопрос. Ответ был краток, окошечко захлопывалось и больше его уже для вас не открывали, следующий должен быть. Выстаивали вот так, иногда день или за день не успевали. Очередь не успевала аннулировать. Поэтому, там вот давали такую справку, которая мало что говорила. Она не говорила, просто потом уже это стало понятно, что означает расстрел. А так отвечали, как будто безобидное что-то.

00:04:23

Были дальние родственники, по фамилии они приходились — Мочаловские, помню, Григорий и Николай. Это были братья, у которых была там земля, которая давала основания причислить и причисливали по пунктам. И их раскулачивали. То есть, у них было хозяйство, земля, дом, но и не более того. Да, к кулакам тогда приписывали тех, кто пользовался наемной рабочей силой при сборке урожая, когда надо было на току рожь и овес, ячмень, машины запускать, обрабатывалось это. И у тех, кто имел вот эту землю, их раскулачивали, и в общем ссылали в Сибирь, и семьи эти все распадалась.

00:06:00

Это как называлось, имение?

Что?

00:06:04

Это было где территориально, Пучково?

Да, это было имение Пучково, это уже был помещик, по-моему, здесь Малым театром тогда даже нашим, и театр это — Малый театр был, оперный, в их ведении, что ли. Но раскулачивали их и ссылали в общем.

00:06:42

А какая у них дальнейшая судьба была?

Этих людей?

00:06:46

Да.

Дальнейшая судьба, сейчас я могу сказать об этом совершенно как-то уверенно... за давностью времени, это уже не имеет значения сейчас. Должна сказать, что мой отец был старый коммунист с 1918-го года и при раскулачивании он их всех так или иначе, каким-то образом, спасал. Например, молодежь которая должна была, могла еще учиться, но их уже не принимали никуда, она оставалась на откупе биографий таких, эти молодые люди, в общем, теряли всякие шансы учиться или работать. И должна сказать, что отец, в этом смысле, был отступником что ли. Несмотря на то, что предписывалось их лишать всего, он их всюду устраивал, где мог, особенно, если это было высшее учебное заведение, потому что их, конечно, не принимали учиться, но он их, все-таки, каким-то образом, но обустроил, так что они все закончили вузы, тот или иной вуз.

00:08:30

А вот с этим Николаем и Гришей, какая их судьба была, чем закончилась их ссылка, они вернулись?

Нет, они не вернулись, конечно. Они все были, семьи целиком ссылали — и жен, и детей. Детей удавалось иногда спасти, отец много здесь для них делал.

00:08:54

То есть, они не остались жить в Сибири?

Нет, они не остались жить в Сибири, он их перетащил, они, я говорю, что здесь важно было устроить их в вуз какой-то здесь.

00:09:08

Но это дети. А родители?

Да, отец это сделал, этому способствовал.

00:09:18

А сами родители?

Что?

00:09:21

То есть, детей перевез...

Детей перевез, дети сейчас здесь и их дети здесь, все сейчас здесь.

00:09:29

А что с родителями?

Я именую родителями уже детей раскулаченных этих. Понимаете, потому, что их здесь ссылали, а здесь какая-то рокировка происходила, такая, что он устраивал их как-то учиться. Особенно учиться в вузы.

00:10:09

Какие у него политические, у отца, и религиозные взгляды?

Никаких, он был неверующим, бабушка была верующая. И, когда бабушка меня водила в церковь, потихоньку меня крестили, это, конечно были скандальные ситуации.

00:10:33

А на чем это было, на чем его безверие, почему он...

Почему он не верил?

00:10:39

Да.

Он был комиссар дивизии в гражданскую [войну]. По убеждению был неверующий человек, так что, это связано с его уже и детством, и юностью.

00:11:04

А кто его родители были, вашего отца?

Они были поляки. Бабушка в 1926-м году жила в Риге и добила визы. Папа здесь добивался, она там, и в 1926-м году она приехала из Риги. Это считалось заграницей. И она приезжала. Есть фотография с бабушкой. Я еще маленькая, 5-6 лет... 1926-й год, да, бабушке разрешили приехать. Была здесь, а так, по профессии, я даже не помню, кто был дедушка, не помню. Бабушка приезжала сюда в Ленинград, в Петроград тогда еще, гостила у нас.

00:12:39

Расскажите об аресте отца.

Об аресте отца? Отец в это время был директором торфяных разработок здесь, в Жихарево, под Ленинградом. И, конечно, мама и сестры, у меня было две сестры еще, они жили с отцом на выезде в Жихарево. Я училась в школе, поэтому оставалась с бабушкой здесь, в Ленинграде, а мама переехала с двумя сестрами туда в Жихарево. И как раз в субботу она приехала домой, чтобы забрать меня после занятий и взять на субботу и воскресенье, собственно. На субботу и воскресенье. Она приехала сюда, взять продукты, что-то и меня после субботних занятий. Я пришла домой после школы, чтобы уже поехать с ней в Жихарево, а ее нет. Я пришла, меня тут усадили сначала пообедать, там то, то. Я уже почувствовала, что что-то случилось, но когда спросила, мне сказали: «Сейчас-сейчас все скажем, только пообедай сначала». Пока я обедала, потом мне сказали, что ночью арестовали. Так что ни мамы не было, были только две маленькие сестренки.

00:14:47

А они помнят?

Помнят, что они бежали, потому, что все же боялись тогда. Страх был такой вьюгой, которая все опрокидывала. И когда отца арестовали, они за ним бежали до самой железнодорожной станции, куда его сразу увезли. Так что, свидетельствовали только две сестрички маленькие.

00:15:30

А есть какие-то документы об обыске, кто в понятых был.

Об обыске были, потом рассказывали, что отец стал седой в одно мгновение, на глазах поседел. А мама была в городе, как раз, в субботу, чтобы захватить какие-то вещи, меня, чтобы мы вместе это все дотащили.

00:16:00

Какие документы и вещи были изъяты?

Изъяты? Обычные, все, что были. Партбилет, паспорт.

00:16:21

Расскажите, то есть, вам сказали, что отец арестован был ночью. Что дальше было?

Дальше следовало... я была в 10-м классе. На следующий же день меня отсадили на последнюю парту. Это я помню очень хорошо. Никак не могла понять, при чем тут парта, школа и арест, но пришлось понять. Больше меня не пересаживали на первую парту. В общем, меня действительно уроки перестали спрашивать, и потом, понятно, что мама была больным человеком и мне надо было идти работать, потому, что жить-то не на что было. Никто — трое детей, мать больная. Так что, все сложилось очень плохо, и я решила уйти на работу. Когда пришла, завуч сказала, что я тебя не отпускаю. Я училась хорошо.

00:17:55

Вы хотели бросить школу?

Бросить школу и идти работать. Она сказала: «Я тебе найду приработок, но за 10-й класс ты должна получить аттестат, это все. Пойдешь тогда и работать. Но школу ты должна закончить, должна иметь аттестат».

00:18:18

Можете рассказать чуть-чуть про завуча?

Завуча? Это был первый человек, который не отсаживал меня на дальнюю парту, а как-то

проявил свое отношение — помочь, поддержать. Запольская. Вот совсем недавно еще помнила имя, но фамилия ее была Запольская, это я помню хорошо, а вот имя почему-то ушло.

00:19:00

Какая у нее судьба была?

У Запольской? Вы знаете, она была старым человеком уже, седовласая такая дама была. И после школы я уже не помню, поскольку это 10-й класс был, я уже действительно ушла потом работать в артель. Артель, где расписывали косынки батиком, была такая жидкость, которую, трубочки стеклянные были, набирали в трубочку этот батик, проводили линию, и она не давала, этот батик не давал сливаться краскам. Поэтому, шелк натягивался на четырехугольные подрамники, закреплялся, и этими трубочками наносился рисунок. Раскрашивался, и краски были очень яркими, не давали сливаться. Была такая артель, тогда артели были, вы, наверное, не понимаете это. Это как бы частные такие артели, которые выпускали очень красивые косынки. И вообще, более того, тогда не было красивых материалов. Крепдешинов, там. Это были тусклые такие, серые какие-то, коричневые, в лучшем случае. Почему-то не было ярких красок. А в этих артелях подрисовывались этими трубочками — батиком — какие-то рисунки произвольные, что вы хотели. А потом заливались они анилиновыми красками, и выходила эта продукция.

00:21:17

То есть, ни один платок не был похож на другой, все время разные?

Нет, все время [разные], это уже ваша импровизация была. И, конечно, пользовалось успехом, потому, что часто это был крепдешин, но он был такой невыразительный, потому, что не было красок. Это надо было уже частным образом превращать материал. Красивое платье если вы хотели, значит, вы дорисовывали этот крепдешин батиком, заливали анилиновыми красками, и перед вами был совершенно другой материал. Яркий такой, пылающий.

00:22:04

У вас не осталось ничего?..

Нет, не осталось. Но он и сейчас есть, этот батик, наверное...

00:22:14

Типа Вологодских платков, типа такого или нет?

Нет, Вологодские — это другое было, все-таки. Это были артели такие, частные. Это был заработок хороший. Во всяком случае, в артели можно было много заработать, поскольку, например, мои сестрички младшие, они тоже в этом участвовали, им это нравилось, что стоят подрамники, на них натянута какая-то тряпка невыразительная, а я ее переделываю; красное, зеленое, синее, яркое. Поэтому, сестрички мои участвовали. Они там и натягивали и помогали.

00:23:10

А откуда краска была?

Анилиновые краски, обычные анилиновые краски, они продавались всюду. Это была не проблема, просто надо было что-то придумать, когда наносишь рисунок. А потом заливается это анилиновыми красками. Но это уже ваш вкус как бы, вы уже сами. И от этого зависели заказы артели.

00:23:50

А с вами отец успел как-то попрощаться? Он понимал, что будет арест?

Нет. Он работал в Жихарево. Между прочим, можете себе представить, до сих пор Жихарево присылает поздравления с праздниками. До сих пор. Кто-то еще жив, я даже... фамилия обратная. Приходят поздравления. До сих пор жив человек, видимо, который еще с той поры... женщина, она подписывается. И до сих пор они присылают поздравления с праздниками. Удивительная очень история. С 1937-го года.

00:24:51

Скажите, еще какие-то истории, которые в сегодняшний день перетекают с того времени.

Ну вот этот случай — он, конечно, совершенно нетипичный, но фактический. И я жива еще, отец работал там, и все.

00:25:14

А что это за женщина, какая у нее история?

Я стала получать открытки от нее, в которых один раз, когда началось это... я получаю, с таким объяснением, что она работала с отцом, что он был начальником этих разработок, что она его помнит, свое такое отношение к нему. Я ее не видела, но до сих пор, уже не она, конечно, уже кто-то другой, которому она передала этот адрес. Кто его знает, вот так.

00:26:11

Какое состояние после ареста было душевное?

Отца?

00:26:16

Да. Что это по ощущениям было? То есть, о чем вы думали в первые часы?

Я помню это. Я пришла из школы, я ездила на субботу, на воскресенье туда к ним. Сестра моя, на семь лет младше, она там ходила в школу, первый или второй... не помню. А я уезжала к ним на субботу, на воскресенье. Это была суббота. Я пришла из школы, а мама приехала чтобы взять какие-то вещи, надо было, и сказала, что она меня дождется, мы поедем вместе и возьмем все, что надо. Я пришла, мамы нет, а бабушка мне говорит, что мама уехала. Я говорю: «А как она объяснила, если она приехала, чтобы ехать со мной вместе?» — «Сядь, поешь сначала, потом все, сейчас не до этого». Я спрашиваю, почему не до этого, мне никто ничего не объясняет, а потом надо было, видите ли, поесть. Я поела, и тогда мне сказали, что папу взяли. И я ужеехала, я помню, легла на верхнюю полку в поезде и понимала, смотрела в окно и очень хорошо понимала, что все в моей жизни кончилось, что будет другая жизнь теперь. Какая другая, было непонятно, потому что ну сколько, 17 лет, 1937-й год. Понимала все хорошо, понимала, я же знала уже в школе почему-то сажали на последних партах, почему переставали спрашивать уроки. То есть были, знаете, изгоями такими. И было и вот это еще дай бог, имя вспомню... Нина, отчество не вспомню... Запольская Нина Георгиевна, что ли. Я понимала, мне всячески все говорило за то, что я должна идти работать, но она не отпустила меня, почему-то так. И я получила аттестат среднего образования, да, в институт я поступила. Начала заниматься в институте, но потом все равно на мне вся семья оказалась, трое — мама и три дочери.

00:30:27

А как мама вам объясняла арест отца?

После убийства Кирова что-то сразу в жизни общественной... Она была комсомолка, обязательная и председатель отряда и, боже мой, все эти нагрузки общественные. После убийства Кирова все уже, как-то хотел не хотел, но понимал, что не все благополучно, но что было не благополучно, до этого понимать собственным разумом, что не благополучно, собственным разумом не доходило. Это было непонятно, потому, что воспитывалась председателем отряда и комсомольский представитель — всюду на трибуны, в праздники, все это была какая-то полноценная, такая развернутая жизнь. А тут вдруг все свернулось, сматалось в какой-то непонятный узел, да и мешало уже поступать всюду. Возраст такой... все, все перестало быть. Я потом вот уехала от всего от этого — от исключения из комсомола, когда все в классе твои подруги и друзья, которые, с которыми ты был откровенен, и все, и вдруг подняли руки за тебя, за исключение. Там три мальчика, по-моему, не подняли руки, все-таки, не поднять тогда руку — это был личный поступок. Они же тоже комсомольцы, но вот не подняли руки.

00:33:05

Вы как-то встречались потом еще с Ильей?

С Грановским? Встречалась.

00:33:10

Расскажите чуть-чуть.

Он искусствовед стал. Встретились мы с ним в Москве, на улице, случайно, прошли мимо друг друга и оба остановились, повернулись, пошли навстречу друг другу. Вот до сих пор видите

как? Кто знал, что я с вами в ... какой у нас?.. 2016-й год? Буду о нем говорить, об этом поступке. Это был поступок! И я только помню, что мы никак не хотели расстаться, потому, что об этом как-то не говорилось, а помнить — помнилось гораздо более глубоко, потому, что я понимала, очень хорошо понимала, что значит пойти против всех. Вот, и он понятия не имеет, что я до сих пор, сейчас уже в 2016-м году, вспоминаю о нем, как о благородном мальчике.

00:34:41

А расскажите про похороны Кирова, вы же ходили на них?

А, Кирова, Вы знаете, я вам скажу, что я не знаю, почему, я не была такой уж сдвинутой по линии всяких комсомолов и так далее, а не знаю, почему, стало страшно. Во-первых, нас всей школой повели... куда же нас повели?.. Наверно, там он лежал, подумайте, я вдруг забыла. Куда нас повели? Но это было потрясение. Это было потрясение, это было первое политическое убийство, и его нельзя было понять, мы не понимали, но это было ошеломление вообще. Только что в комсомоле, только что как-то все это было еще. Вот эта трещина такая, она была болезненная. Ну, нас возили посмотреть на него. Я помню, я с галереи шла и смотрела вниз, но это вообще было страшно — принять в свою жизнь политическое убийство и как-то к нему найти отношение. Никто же ничего не объяснял. Хорошо помню, что я пришла домой, отец сидел вот так, подперев голову, ни с кем не разговаривал, и с ним никто не разговаривал. Почему-то сразу стало понятно, что что-то случилось основательное, очень значительное что-то. Случилось какое-то несчастье. Не просто несчастье — умер кто-то. Нет, не это, а политическое такое несчастье. И вообще, что-то в жизни случилось, и папа молчал, я не знаю, сколько он молчал, по-моему, несколько дней вообще не разговаривал ни с кем и ни о чем, дом погрузился в какое-то молчание.

00:38:26

Скажите, а это здание на Шпалерной, где отец сидел, как оно выглядело, что там было?

Мне казалось, что если я буду... во-первых, это было надо было очень рано вставать, чтобы занять очередь. Очереди гоняли, очереди ютились в парадных, если из людей кто-то выходил на работу в ранние часы и замечал, что собираются несколько человек где-то в парадных, они выгоняли очереди, им, почему-то, не нравилось, еще тогда никто не рассуждал так, просто понимали, что собираются, а соседям не нравилось в принципе, что в их парадных собирается люди. Поэтому нас выгоняли из парадных, мы искали другие парадные, а было холодно, была зима. И мы что-то бегали из одной парадной в другую, жильцы были очень агрессивные. А потом это ничем не кончалось, кончалось тем, что писали списки, эти списки передавались как-то. Потом, почему-то нарушения всякие были, скандалы там всякие были, и эти очереди, они не венчались никаким результатом. Так переписывали, переписывали, какие-то дни не дежурили, а выхода какого-то реально... только, когда этот список куда-то уже — открывали там окошечко какое-то и этот список принимали, вроде он как-то так. И тогда можно было передать деньги, 60 рублей принимали.

00:41:04

Вы думаете, его расстреляли буквально в течение двух месяцев?

Конечно это сейчас уже стало известно, раз вам отвечали.

00:41:19

То есть, это даже в течение недели, получается, его расстреляли

Ну в общем да, в общем, да, дни какие-то. Когда стало известно, что это был, фактически, расстрел, их расстреливали...

00:41:40

Скажите тогда, что это за письмо было, это как бы с Охотского моря, то есть, это не было его письмом, это просто было...

Вы понимаете, что я до сих пор не могу понять. Для того, чтобы... есть специалисты, которые подделывают почерк. Есть такие умельцы просто, это, как бы, природой может быть запрограммировано, что вдруг вот вы имитирует чей-то почерк. А здесь, здесь я пошла к подруге, я помню, уроки делать, мы жили на 1-й линии Васильевского острова, и вдруг прибегает маленькая сестренка, средняя сестренка: «Скорей, скорей домой, мама сказала, чтобы ты сейчас же пришла домой». Я испугалась очень, спрашиваю: «Что так?» — «Я не знаю, я не понимаю». И, когда я пришла... вдруг забыла, как это все...

- 00:43:24 **Какой-то мужчина принес письмо, да?**
Да, какой-то мужчина.
- 00:43:32 **Назвавшийся другом или не другом?**
Нет, он даже сказал, что он не видел отца, но что существует очередь и она неукоснительно, значит, вне зависимости от того, если тебя освобождают, то ты должен пойти по адресу и передать, что жив или что-то как-то так, благополучно. Видите, сейчас все уже уходит. Я все помнила до мельчайших подробностей, а сейчас уже...
- 00:44:26 **Насколько я сейчас помню, в письме было, что он писал, обращался именно к вам.**
Да, думал, что маму сослали, да, что меня отстояли, как комсомолку, что помогли мне закончить школу.
- 00:44:51 **И спрашивал, как у вас дела? Написал, что у него все...**
Да, чтобы не нервничали.
- 00:45:00 **Ну то есть, это как факт... вас пытались вербовать или таким образом?..**
Готовили, конечно, готовили. А потом они начали эти подставные всякие...
- 00:45:24 **А какой смысл этого Серебрякова, условного, был? Просто, в чем смысл?**
Смысл напугать и завербовать, а тогда уже любой смысл не важен, тогда они уже распоряжаются, как угодно. Тогда уже себе человек не принадлежит.
- 00:46:02 **Вам предлагали отказаться от отца?**
Да, много раз, по всяким поводам. Публично несколько раз предлагали. Все менялось, если рассматривать это по, так сказать, состоянию вопроса, то, конечно, по-всякому они предлагали.
- 00:46:45 **Когда первый раз предложили отказаться от отца?**
Когда? Перед тем, как исключить из комсомола за потерю бдительности, прозевала в своей собственной семье врага народа.
- 00:47:13 **Вы тогда сдали билет, а потом еще какие были, когда еще предлагали потом отказываться?**
Они предлагали мне вернуть билет потом.
- 00:47:30 **Какое ваше отношение к Сталину было? Вы связывали смерть Кирова с ним?**
К Сталину? Я его никогда, я не увлекалась этой фигурой ни в каком виде, никогда. Не знаю, почему, вообще. Никогда, никакого... не понимала и до сих пор не понимаю. Сейчас это уже такое битое место, но вообще не понимала. Мне всегда казался он каким-то страшилищем.
- 00:48:16 **Арест отца или смерть Кирова вы связывали со Сталиным каким-то образом?**

Да, это был было что-то такое, что происходило рядом с вами, но вы разобраться в этом не могли, в этом разобраться было нельзя. Это нужна была глубокая политическая зрелость какая-то. И никакие байки, это было даже недействительно. Мы понимали, что это что-то совсем огромное-огромное, которое только увеличивается, но как это связать, чтобы стало понятным таким... нет, это было непонятно. То есть, становилось понятно, что страх парализует людей.

00:49:33

Похороны Сталина, к смерти Сталина как?..

Я лезгинку танцевала, я танцевала самую настоящую лезгинку. Откуда у меня в голове... я помню одно такое движение, а вообще... я просто хотела сбросить с себя все, порвать эти оковы и швырнуть их куда-то. Одна носилась по комнате, под мотив лезгинки.

00:50:20

А где вы были в тот момент, как вы как вы узнали, откуда вы узнали?

Я работала в театре на Урале и жила я в театре. Даже в общежитии не было места. И вдруг услышала по радио. По радио за три дня стали говорить, что вождь заболел. Я схватилась за приемник, я услышала в этой интонации что-то, подготовку какую-то. И больше я не отрывалась от приемника, шла за водой в театре, там надо было... я его сюда под руку, я боялась прозевать. И все было как-то распланировано там, день за днем, день за днем и потом, конечно, траурное сообщение о смерти. Все было понятно. Все подавалось по порциям, готовили.

00:51:55

Какие-то события, в связи с этим, проходили в городе? Шествия?

Нет, это были рыдания, рыдали люди, истерики были, просто истерики с людьми были. А я не понимала, как можно?

00:52:21

А откуда у вас вообще такое понимание было? Это литература, начитанность?

Понимание, что из себя представляет вождь? Я думаю, что элементарное чутье, очень элементарное чутье, я так думаю. Потому, что действительно, откуда? Никакой пропаганды такой не требовалось. Люди любили, люди верили по простоте душевной, никто как бы. Двойных смыслов тогда в виду не имели. Тогда были такие какие-то искренние подкладки разумения политики вообще, в принципе. Верили. Незамысловатое были разумения. То есть, люди, которые занимались политикой, они, конечно, просто понимали все иначе, с подоплекой и грамотно как-то.

00:54:05

Как ваше окружение, среди вашего окружения как на смерть реагировали?

Правда все плакали. Во всяком случае, в театре выходили... тут же митинг, тут же рыдающие люди выходили, захлебывались от рыданий. А я сидела в зале и удивлялась. Думала, как это так, они что, ничего не понимают или что? А откуда я сама понимала... ну, понимала.

00:54:54

А XX съезд?

А?

00:54:57

XX съезд, культ личности. Вы знали?

Я приняла так, что я неглупая. Я все это просто иначе понимала, я понимала вот так, как было все это после съезда. Это было очень и очень, и очень хорошо.

00:55:45

Давайте к вашей истории перейдем.

Вы понимаете, я, видимо, ускользала из их рук. Взять и уехать в ссылку по доброй воле — этого никто не делал. Бросить Питер и уехать туда, это не все делают. Я хотела вообще, как будто меня нет на свете. Я чувствовала просто опасность, за мной следили, конечно, подставляли очень многих друзей. Я понимала и знала даже, потому, что все как-то то ли по простоте душевной что-то выговаривали такое, чтобы было ясно, кто за мной следит. А когда я узнавала, что следят, то я понимала, что я ничего не могу сделать, объясняться с ними, спросить, что вы за мной следите? Тут нет выхода, тут серьезное дело.

00:57:38

То есть, вы хотите сказать, что из этой ситуации нет выхода вообще?

А из нее и не было выхода. А какой у меня был выход? Оправдываться? Перед кем, за что? Когда вы понимаете, что вас не любят, за вами не признают никаких прав, вы вся в официальных возможностях тех, кто определяет вас на учебу, на работу, вообще, что вы зависимы. Вас поймали, вы всегда под надзором такой лампой огромной. Она светит и бьет в темноте и при солнце, как угодно. Куда тут, не денешься? Никуда.

00:58:49

А было ощущение, что может быть как-то по-другому? Когда вы росли, было ощущение свободы?

Свободы?

00:58:57

В какие моменты ощущения были?

Свободы никогда не было, конечно. У меня никогда не было свободы.

00:59:07

А что давало тогда вот это вот понимание ценности человеческой жизни?

Я следовала этому, надо было исчезнуть как-то, решиться уехать туда, в Среднюю Азию, решиться на замужество на это. Мне казалось, что я этим ликвидирую как-то что-то. Вы логики не ищите, вы ее здесь не обнаружите, потому, что, понимаете, я сама сейчас говорю вам это и говорю, что я сама для себя так по памяти выясняю, что это было. Получается так, что я сама, как бы сказать, меня загоняли — и я шла куда-то. Я выискивала способы быть вообще никакой, даже, если я что-то понимала и что-то разумела, что-то могла, сделать какой-то выбор. Я сейчас думаю, сколько на меня было потрачено средств — следить, писать. Я же потом, все мне следователь показал, кто писал и что писал. Это было ужасно. Самое ужасное было это.

01:01:12

Расскажите про арест. Ждали ли вы его, чувствовали ли, что он будет? Предполагали, что вас могут арестовать?

Ну конечно. Меня арестовали в Средней Азии. Я уехала туда, вышла замуж и уехала к мужу. Арестовали так, как сказать, конечно, там тогда ссылали, если отца арестовывали, скажем. Ну как у меня отца, то, в общем, семьи ссылали. Есть дети, нет детей, вообще ничего значения не имело, кроме того, что арестован тот, кто содержит семью, потому что отца арестовали, значит, семью высылали. Каким-то образом не все. Нашу семью не тронули, нас было... остались мама и три сестренки, две сестры, я третья старшая была. Нас, почему-то, не тронули. Так сложились обстоятельства, что я сама уехала, вышла замуж за человека, которого сослали, и я уехала в Среднюю Азию.

01:03:18

Во Фрунзе.

Во Фрунзе, да, в Бишкек. Там я поступила в институт медицинский и в один прекрасный день, 30-го января 1943-го года, я утром встала, пошла на рынок, пришла с рынка, в доме или так там, в Средней Азии одноэтажные дома, открыта калитка была, и какая-то дама стояла в каракулевом манто. Она мне сказала, что меня вызывает директор института медицинского — я училась, поступила там в Харьковский медицинский институт, который был эвакуирован во Фрунзе. Она мне сказала, что меня ждет. В общем, я уже не помню, как она объясняла это, но я поверила. Когда мы вышли из дому, внизу так улица чуть спускалась вниз, она вдруг остановилась около машины, в машине сидело двое мужчин. Она открыла мне дверь и сказала: «Садитесь». Я спросила, куда, зачем и почему. Она сказала: «Вас вызывает директор

медицинского института». В котором я училась. Я, по-моему, не осознавала того, что это ложь. Мужчины подвинулись и меня куда-то повезли. Да, мне сказали, что меня вызывает директор института. Меня повезли и высадили у дома Министерства внутренних дел. Я прошла, и вот так за мной захлопнулись двери. Оказалось, что меня на допрос... нет, меня в отдельную комнату в какую-то повели, в которой я просидела много часов. Мне никто ничего не говорил, не заходили, наверное, часов 6-7. Потом вошел военный. Сказал: «Петкевич, вы арестованы». Ну и потом начался допрос. Довольно длительный, ночь уже была, это я поняла по всяким звукам, потому как, кто заходил, что заходили, что говорили. В общем, меня провели потом в подвал НКВД, в одиночку, в карцер, вернее. Вот вошел следователь и сказал: «Петкевич, вы арестованы».

01:08:11

Как звали следователя?

Его звали... фамилия его была Иванов, по-моему, Виктор Иванович, что ли. Ну и, в общем, вот так. Ночь я просидела в карцере, без света, не ориентируясь, только руками.

01:08:42

Как выглядел карцер?

Это все было темно, даже контрольной лампочки, по-моему, не было, я не помню, чтобы она была.

01:08:55

Там была кровать?

Ну что вы! Нет, ничего не было. Вообще ничего не было. Не было настолько, что там... что-то каменное было, типа скамьи такой, от стены как бы, где можно было присесть. Ну и что-то такое. Но, когда вам говорят, что вы арестованы, то мир меняется сразу уже. Вы не понимаете, что это за пространство, в котором вы очутились. Видите, я уже давно не вспоминала этого, даже не помню...

01:10:01

Может, расскажите, как велось следствие?

Велось следствие?

01:10:08

Статья какая?

Мне предъявили статью 58, [параграф] 10, которая, в общем, обязана иметь свидетелей. Это контрреволюционная агитация. Ну хотя бы того, кого я агитировала. Но свидетелей не было, было только словесное, как бы, кого-то они опрашивали, какую-то женщину...

01:10:52

Которая полы у вас мыла.

Полы мыла, да. Поэтому, я думала, что все это несерьезно, так это выглядело, что мне казалось, что это то ли шутка, то ли какое-то недоразумение. Но в общем, оказалось, что... следователь выходил, уходил, потом пришел и сказал: «Петкевич, вы арестованы». Все. [Статья] 58, [параграф]10. «А свидетели, — я спросила, — кто»? Я не помню ее фамилию сейчас, совсем не помню. И начались допросы.

01:11:42

Сколько это по времени было перед приговором, примерно?

Вы знаете, сейчас так мне... это было...

01:11:59

До того момента, как суд прошел.

Да, это, по-моему, что-то около месяца. А потом, значит, суд. Меня повели в областной суд, а я занималась в медицинском институте.

01:12:30

Студенты — это были ваши однокурсники, которые пришли поддержать?

На суд, да. И этот киргиз, Чингиз его звали, он залез на дерево и сидел на таком прочном, прочный сук был, и он сидел и наблюдал с этого дерева, смотрел в окно, где суд шел. Ну и мне вынесли решение — 7 лет. 3 года лишения в правах и 7 лет лагерей.

01:13:24

И еще конфискация имущества, да, была?

И конфискация имущества.

01:13:32

Я посмотрел, что три месяца шло следствие.

Три месяца, да-да, пожалуй, кажется, да.

01:13:44

Расскажите, [какая была] реакция на приговор?

Реакция на приговор? Я уже понимала, что... я еще рассчитывала что-то. Там вошел какой-то человек, он сказал, что он мой юрист, поскольку я платить за юриста не могла, то он как бы государственная защита такая. Но абсолютно это не имело значения. В общем, все. Я просидела эти три месяца в подвале НКВД, а потом, когда получила срок, то отправили в общую тюрьму, что было очень страшно, потому, что сажали с кем-то и даже с уголовниками, а это было страшно — сидеть, когда вы неискующая еще девчонка, совершенно. И вот с кем попадешь. Знаете, как память, казалось, уже все, никогда не будет к этому возврата, а когда возвращаешься через много лет, трудно вспомнить, как это было. В общем, пришлось... меня отправили в общую тюрьму и я попала...

01:16:05

В общую камеру?

В общую тюрьму. Тюрьма была общая, это была тюрьма НКВД, в подвале, в здании непосредственно МВД или НКВД, я сейчас уже забыла, в каком году переименовали НКВД в МВД. Но, короче говоря...

01:16:36

Это вас перед этапом отправили в общую тюрьму, правильно?

В общую тюрьму. Я попала в камеру, я вошла в камеру, где женщина расчесывала длинные волосы такие. Это была уголовница, совершенно на вид очень приличная женщина, красивая даже. И она начала говорить, эта речь сразу дала мне понять, что это вообще существо, оно особое, что она уголовница, во-первых. А потом она мне сказала, что она сидит за убийство. Потом она вообще откровенничала, это было, конечно, ужасно. Но это в тюрьме уже, в общей в этой самой. А потом там она мне объяснила, она мне сразу все про себя сказала, как-то не стеснялась, ничего, наоборот, как бы покровительствуя и с желанием помочь мне, как себя вести. Она, например, говорит, что ты здесь одна, тебя на «ты», все сразу, что вот я, имей ввиду, если меня будут вызывать уже на этап, дальнейшие какие-то процессуальные действия, то я не пойду, я морду набью там. Это уже другой язык, вообще существование, понятийный другой язык. Она-таки действительно потом и не пошла. Вернее, ее вызывали, она потом рассказала мне, что она ждет, она за убийство сидела, я сказала или нет? За убийство. Понимаете, это погружение в другой мир, совершенно все другое. Но эта женщина — Валя Холмитова, до сих пор помню, у нее были вот такие подушечки, много, причем — три или пять даже, с собой, почему-то она... там были вышиты слова: «Любимый Костя» или что-то такое. Короче говоря, нового здесь было то, что она была лесбиянка. И все эти разговоры, они для нее были привычными, такими составляющими ее дни, суть. Разговоры и так далее. Она с этого не сходила, так сказать, ни на какие другие темы, потому что... но старалась меня учить. [Мой] муж тоже был арестован, и я это знала. И он мне дал понять, что он тоже в тюрьме. Знаете, в камерах окошечки, с окошечками двери, окошечко открывается, вам что-то говорят, так вот, здесь кто-то открыл окошечко, крикнули: «Петкевич!» Я подошла к окошечку, и мне сунули пайку и закрыли дверь. Я поняла, конечно, что это от мужа пайка, потому, что такая передача, никто другой, раз он был в этой же тюрьме... вот пайку он передал, значит, он был здесь. Теперь она меня учила, когда меня... нет, и ее вызывали на этап, наверное, минут через 40 она вернулась избитая — синяки на лице. Она по-своему, так сказать, потом она мне объяснила, что она сказала, что ее вот этот партнерша, партнер, она...

01:22:28

Ее девушку не вызвали? Они хотели вместе ехать?

Да, конечно. Они хотели вместе ехать, и она для этого... не увидев ее, она.. сейчас я забыла, что она сделала.

01:22:47

Она плевала в лицо, что-то такое.

Она плевала в лицо, чтобы ее оставили. И ее действительно оставили. Побили хорошо и оставили.

01:23:01

То есть, вы с ней больше не встречались никогда?

Нет, не встречалась. Встречалась с разными другими, более страшными еще. В общем, потом меня отправили на этап, там жара страшная была, 40 и 50 градусов. Потом отправили и уже этапом в такое место, Джангиджир называлось.

01:23:46

Это где вообще?

Это уже где-то в пустыне. Там очень долго, километров 50. Ну и, собственно, началось. Вот этим мои годы — этап на Север, потом страшные работы на кенафе.

01:24:14

Это еще было в Джангиджире, да?

Джангиджир, да, это первый лагерь был женский, где сидели иностранки, в основном. И я была самая молоденькая, поэтому меня назначали бригадиром. Надо было уже весь этот процесс трудовой, были машины декортикаторы, которые проминали тростник конопля и кенафа. Во время войны нужны были веревки, мешковина, и все это делалось из этого кенафа и конопля. Тростники проминались, выходило волокно, потом дальнейшая обработка и так далее. Мы работали, эта работа — самая жуткое, что только было, что только можно было придумать, потому что, когда этот тростник проминался между двумя валами металлическими, круглыми вот такими, то от них отлетали иголки — тоненькие такие, из этой конопля. И они забивались вам всюду — в лицо, в рот, в волосы, в голову. И вы все время хотели избавиться от этого и не могли. И это было ужасно, ничего более ужасного, когда вам всюду эти иголки мелкие, которые вы не вытащите... ну, не важно, в общем. Это была такая своеобразная каторга.

01:26:30

А вы помните первый день в лагере?

Первый день в лагере помню. Конечно. Вы знаете, это был женский лагерь, и женщины были абсолютно не приспособлены вообще ни к какому труду. Много иностранок, в основном иностранки. Поэтому меня назначали бригадиром, мы должны были вот эти декортикаторы после работы очищать. Это означало, что вы залезали под декортикатор, который... как под кровать надо было залезть. Так ложились — и вот туда залезали рукой. Это вообще не рассказать. И с решетки, которая протрясала эти самые волокна, снимали вот так, рвали вот эти застрявшие волокна и очищали. В общем, это надо было придумать такой каторжный труд, чтобы вынести это все, потому что все мы были забиты.

01:28:14

Там какой-то был случай, что кто-то хотел включить... расскажите?

Да. Это была девочка, такая же, нас было двое таких молодых, и почему-то она меня возненавидела так, что у нее просто польхала ненависть. И она включила эту самую трясилку, когда я, как бригадир, ее чистила. А чистить, я говорю, как под кровать, видите, где она? Вот здесь. Так вот столько, сколько высота была, столько составляла фактура ваша, примерно. И вы залезали туда лежа, перемещались и потом лежа там снимали с этой трясилки это волокно. Это вообще не придумать! Или, наоборот, придумать только. Это было ужасно в Средней Азии вообще, потому что потом это волокно, которое шло на мешковину, на веревки, оно должно было отстаиваться в воде. Заливали в пруду, а когда в пруду все это замачивалось, то это было покрыто слоем червей. Все ходили в зеленке. Вообще все было в зеленке, потому что нельзя было эти руки — ни есть ими, ничего. Бог с ним.

01:30:21

А расскажите, как выглядел барак, и какое питание было?

Война. Пайка хлеба для рабочего человека — 600 грамм. Для того, чтобы выработать вот эту пайку, мы должны целый день работать, работать, работать. А если не вырабатывали, то мы получали 400 грамм хлеба. Хлеб — это была еда. Похлебка, которую давали, это было, так сказать, только-только пайка была. Похлебка похлебкой.

01:31:17

А барак?

Барак? Бараки строили. Бараки пользовали, так сказать, как... это все было: нары, конечно, матрасы сеном набивали, в такие матрасники. Подушки тоже были, тоже с сеном, с соломой. Все это было острое, все это царапалось. Сено — это было хорошо, а солома — это было тяжело. Ну и нары. Нары, конечно, кто посильнее, занимал нижние нары, а кто неумеха, того загоняли наверх. То есть, нижние занимали — там своя градация была, там сразу устанавливали. Сильные были, брали власть, своеобразное такое. Старосты там из уголовников, конечно. 58-ю тоже туда. И все, что похуже, только там сразу все это приводилось в действие. Ненависть, которая всегда существовала, наверное и до сих пор существует между уголовниками и политическими, она сразу давала знать о себе. Вас контриками называли: «Эй, контрик!» У начальства это была такая подмога ему — уголовники, уголовницы. Здесь свои такие уже.

01:33:51

Как у вас актерский опыт чтения «Жены»...

Это потом.

01:34:00

Расскажите, почему вас перевели в другой лагерь?

Нет, ни почему. Потому, что это Средняя Азия, там не было таких, как бы сказать, это были объекты такие, которые что-нибудь сейчас... вас перекидывали все время на какие-то временные работы, которые там вот в этом месте столько-то убрать, этот кенаф или коноплю вот эту, которая под червями. Все это дышало просто в прудах, и руки, все. Тогда уже появилась зеленка, и все ходили в ранах. Это очень был тяжелый, жуткий был труд, потому, что это не безобидно, когда черви вас едят.

01:35:13

Там много, кого перевели в Коми, чтобы что делать?

Не перевели в Коми. Эти лагеря были временки, они на объект такой-то сделали и ликвидировали. Потом нас отправили в Коми, 25 суток мы ехали в товарных вагонах. Конечно, ничего не было. То, что было пальто — все это на части разбиралось, все горело на солнце в Средней Азии. А от зимнего пальто вообще ничего не оставалось. А потом вот этот 25-дневный этап. Хлеб не давали, война же шла. Шли военные составы, нас прицепляли к товарным вагонам, и когда мы поняли, что солдат везут на фронт, мы начинали кричать. А нам хлеба не давали, хлеб воровало начальство. И мы кричали, колотили в стены и кричали: «Хлеба! Хлеба! Хлеба!» Военные реагировали на это, выходили из вагонов и требовали начальство, чтобы объяснили. Они говорили, кричали, что мы едем на фронт, защищать родину и наших людей, почему не даете хлеба, объясните. А они отвечали, конвой, то есть, отвечали: «За кого заступаетесь, товарищи? Это же враги народа, а вы за них заступаетесь». Солдаты говорили, что им положен хлеб, дайте хлеб, а потом объясняйте, а хлеб дайте сейчас. Вот такие вещи, они немножко помогали, когда солдат, который ехал защищать, все-таки заступался, что-то человеческое в этой жизни, казалось, остается. Вот таким хлебом питались.

01:38:58

Дальше вы приехали в этот лагерь, и у вас работа была на лесоповале?

Нет. Это в Средней Азии, это были земляные работы.

01:39:09

Нет, когда в Коми вы приехали.

В Коми, конечно, нас первым делом погнали на лесоповал. Это очень тяжелая работа. То есть, там были и земляные работы, и стройки, потому, что эти лагеря устраивались как бы с перспективой, так что, здесь уже другие бараки были, уже не такие временки, все было уже

немножко иначе.

01:39:53

А вот эта колонна «Светик», что это значит?

Колонна — это значит в лесу образованная для жилья, бараки, которые строили сами заключенные, и вы себе не представляете, что это за клоповники были. Нары и бараки сами по себе — это все строилось людьми, которые не были квалифицированными. Какие-то нары сплошняком. Первый этаж, второй этаж — живи, залезай на нары, слезай с нар, гонят на работу — значит идешь на работу, валишь лес.

01:41:09

Это был и женский и мужской лагерь?

Да, были общие лагеря, были изолированные — женские и мужские.

01:41:25

Расскажите о работе в ТЭК?

В ТЭК? ТЭК — это театрально-эстрадный коллектив. Это я была когда на общих работах, когда мне сказали, что есть театр лагерный, я не поняла, решила, что меня разыгрывают. А когда приехала, начальство было, у них в структуре было так называемое КВО — культурно-воспитательный отдел. Они имели, так сказать, тоже в структуре вот такое образование, как ТЭК — театрально-эстрадный коллектив. Когда из заключенных, которые были в данном месте, по анкетам отбирали актеров с актерским образованием — певцов, танцоров, чтецов, драматических актеров, и в общем ну как бы такая развлекательная возможность была после работы. Когда-то это были бригады, которые разъезжали по разным точкам — колоннам, как их называли. Колонны — это фактически такое, бытовое образование в этом месте, часть лагеря.

01:43:27

Как вы начали там работать? Почему?

Почему меня взяли в ТЭК? Меня взяли в ТЭК вот, почему. Тогда, понимаете, шла война, и тема войны — она была и оставалась все равно главной. И бригадир у нас был такой, Гриша Батулин, мужичок такой, крестьянин, но он был справедливый. Что значит справедливый? Что он хлеб выписывал. Не воровал, что было редкостью. И он как-то однажды подошел ко мне и говорит: «Ты интеллигентная, возьми газету, здесь рассказ напечатан „Жена“, Кононенко, и прочти». Вот его довод — интеллигентная, всего-навсего, так сказать. И, поскольку этот Гриша не воровал хлеб, а давал сполна, я сочла себя обязанной сделать это. Я выучила этот рассказ. «За ужином прочтешь», — и прочла за ужином. Он сказал: «Сейчас Петкевич прочтет вам рассказ такой-то, такой-то». Поскольку эта тема всех волновала, тема войны, а там калека-муж спрашивает жену, примет ли она его, когда ему отняли две ноги. Ну и как состоялась эта встреча. «Вот прочти». Я прочла его. И люди очень плакали, все сидели, слезы текут. И так я превратилась в актрису. Все требовали вот этого чтения, как бы театрального. И вот так я... потом меня взяли уже в этот театр, который был.

01:46:29

Расскажите о самом лучшем воспоминании.

Лучшем?

01:46:33

Да, за то время.

Самое лучшее для меня, конечно, было, когда меня взяли в этот театр лагерный. Потому, что, во-первых, я встретила друзей, и это было, конечно, таким подспорьем нравственным.

01:47:12

Расскажите чуть-чуть про кого-нибудь.

Про кого-нибудь?

01:47:18

Из друзей. Кто были друзья.

Я встретила своего друга, москвича одного. Он с фронта, попадали же с фронта за всякие такие оступки словесные и все. Я как-то... я была уже в бригаде, это называлось агитбригада. Это была не агитбригада конечно, тот кто был в наличии — солисты, певцы, танцоры, чтецы — все это, собирали их как-то, и я была. Я читала рассказ «Жена». Потом, после этого, мне вдруг говорят, там просто человека вывели, он рыдал, старался тихо, но не мог, ему говорят, что нельзя так, и он ушел. А потом оказалось, что это мой знакомый, он меня увидел, и с ним стало тоже вроде истерики что-то. Я его не узнала. Когда его подвели, он не мог говорить. Это был очень близкий, хороший друг много старше меня. И он никак не мог примириться, что я там, что меня там встретил в лагере. Эти встречи, конечно, были невыносимо тяжелыми. Тут старались, он мне какую-то рубаху принес холщовую такую, мужскую, потому, что ходили и драные всякие. Эти встречи были тяжелыми. В общем, не приведи господь.

01:50:14

Расскажите про Гавронского.

Александр Осипович это... он закончил Марбургский университет, очень образованный человек. И он был театральным режиссером в Германии, у нас он поставил несколько фильмов таких, крупных: «Круг»... надо сосредоточиться, я могла бы назвать. Он был и кинорежиссер, и театральный режиссер. И он организовал в лагере театр. Там, например, была дочь Марины Цветаевой, Аля [Ариадна] Эфрон, в этом театре, играла у него в спектаклях. И, конечно, эти театры, они были угодны и начальству, потому, что начальство с семьями, с женами и с детьми — они же жили в этой же тайге — поэтому, им на потребу это тоже было угодно. А режиссер он был замечательный. И вот я читала вот эту «Жену». Кто-то сказал, обо мне пошла слава — артистка. И когда он прослушал, то он уже поставил «Юбилей» Чеховский, уже на меня, так сказать. А потом, когда он подбирал, появлялись какие-то актеры вообще, то это уже использовали так, в лагере, для всего, составляли, так сказать, славу этого лагеря.

01:53:10

А в другом еще что-то, а в третьем — воркутинский, елецкий, были в лагерь... харбинцы, так называемые, может слышали, КВЖД: Китайско-Восточная железная дорога, там была партия такая очень талантливых людей. И начальство этим пользовалось. И утверждало так, мы были уже театром, который... не театром, это называлось агитбригада, которые на правах обслуживали. Обслуживали лагерь и вольнонаемных. Обычно вольнонаемные занимали первые места, потом, значит, просто вольные люди. Нас очень ждали, потому, что были крупные, вот эти, харбинцы, было очень много талантливых людей. А потом вообще, это были хорошие певцы. Головин такой был из Большого театра баритон, Аллилуев такой тенор, были уже крупные такие, так что сколачивали такие театры, и мы обслуживали всю трассу. И Гавронский как раз ставил «Юбилей», который имел очень крупный успех. Нравилось. Люди... вдруг им была подарена такая отдушина. Он очень смешно ставил, люди могли посмеяться вдоволь. А когда человек начинал смеяться, это уже переходило, знаете, в такое состояние непривычное для него самого, что он хохочет и смеется. И ему хочется в этом смехе как-то раскрепостить себя. Это серьезное дело такое.

01:56:03

А можете какие-то случаи вспомнить, когда вы от души смеялись?

От души смеялась?

01:56:10

Да, за то время.

Это бывало так, когда уже начинали смеяться, доходили до этого несколько человек, особенно это было, там же театр был, я была в театре таком, легальном, просто был театр, который разъезжал по всей трассе. От Сольвычегодска до Воркуты. Хотелось какой-то разрядки, и иногда это так оно, не по заказу, а чтобы этот механизм задеть. А если уж задевали, то тогда могли хохотать, когда и не очень смешно, наверное, но уже сам механизм срабатывает, как хочет.

01:57:35

Какие-то письма вам приходили, свидания были ли?

Свидания? Были свидания, да. Были. У нас был хороший начальник политотдела, Боженков.

Штанько и Боженков такие были. Приезжали родители, скажем, каких-то артистов, шли туда, к начальству и говорили, что вот они могут прочесть это, пропеть это и так далее. И начальство тоже шло, им тоже хотелось слышать это, такой товарообмен.

01:58:41

Когда везли на каких-то пароходах, когда нас перевозили этим театром, кто-то пытался покончить [с собой], броситься. Такие попытки, конечно, были. Кто-то спасал случайно, друг друга спасали. Тут всякое было.

01:59:23

А лично у вас?

Что?

01:59:27

Ну, когда...

Хотела ли я покончить жизнь самоубийством?

01:59:31

Да, или какие-то случаи, когда вас могли убить?

Убить могли всегда. Были, во-первых, с этими, там, где замешивались общие такие работы с уголовниками, это было всегда опасно. И убивали. Просто убивали. Ночью убивали, располосовать могли, что угодно могли. И совершали это. Не дай бог.

02:00:25

По каким мотивам? От голода? Почему?

От голода — нет, конечно, такого, чтобы из-за этого убить — нет. А такая личная ненависть, иногда люди, вдруг вы видите, чувствуете, что вас что-то жжет, чей-то взгляд, чья-то ненависть, хотя вы ничего к этому не приложили, ничего не сделали, а вас ненавидят так, как будто это люта́я ненависть, она питание для кого-то. Вот эта злоба, ненависть, она заменяет людям хлеб насущный. Это бывает. Ненависть обнаруживает себя в самых непредсказуемых таких... просто вы чувствуете, что вас ненавидят, и вы обречены, что бы вы не делали. Если не разведут, как-то не оставят где-то кого-то под другой охраной, в другом месте, то как.

02:02:12

А было ли что-нибудь положительное в лагерном опыте, было ли такое? Вообще, может быть такое? Человек может вынести что-то положительное из этих...?

Нет, нет. Ничего. То, что наносили — нет, не может.

02:02:38

А, может быть, запахи и звуки, с которыми лагерь ассоциировался.

Понимаете, запахи — это, конечно, питание. Оно было вообще настолько лишенное этого достояния. Но не могло, во-первых, люди эту пайку свою, без запахов, старались уничтожить, не оставлять ее на окне где-нибудь, вообще оставлять, потому что это всегда крали просто. А если кто-то кому-то привозил передачу, то люди тут уж сами, зная, что оставлять нельзя, что тебя раскурочат, ночью, во всяком случае, за тебя поужинают, если даже утащат на другой конец какой-то, то ты уже этого не вернешь.

02:04:27

Расскажите, когда и как вы узнали об освобождении?

Я знала, что уже подходит день освобождения. А поскольку я была уже в театре в этом лагерном, то мы же... в эту поездку меня уже не взяли. Оставили до 30-го. И вручили справки.

02:05:22

Какие документы?

Что отсидела 7 лет.

02:05:39

Как происходило освобождение? Как вы вышли за ворота?

Да уже тут все оформили документы лагерные, в зоне, и через вахту вышла на пустую улицу, поставила чемоданчик, села на него посередине улицы. Надо было много дел сделать, надо было найти ночлег. Денег нет, надо было где-то найти деньги, чтобы поесть. Сразу появилось столько новых забот, что пришлось размышлять, как это все. Нашла ночлег... нет, не нашла ночлег. Меня взяли тут же в театр, и мы тут же, в эту же ночь мы поехали дальше на Север. Это был театр Сыктывкарский, филиал Сыктывкарской драмы. Так что, сразу в вагон и дальше на Север, но уже свободная. Очень смешно было, меня сразу взяли в театр, в этот филиал. И, скажем, идут актеры где-то пообедать. Вилку я не держала 7 лет, так что, как вилку держать, как есть, все путаюсь, а на меня сидят вольные люди и смотрят, потом вопросик задают.

02:08:24

Как вы приехали в Ленинград?

Это через много лет. Я работала потом на Урале в театре, потом работала в Чебоксарах — Чувашская ССР. Потом работала 5 лет в Кишиневе. И после Кишинева уже, это прошло, наверное, восемь лет, около десяти лет, я уже вернулась, потому, что в Ленинград не пускали.

02:09:18

А у вас была там возможность встретиться с сестрой. Расскажите вкратце про встречу.

Ну что же, встретить... маленькая она, худенькая была. Нет, не маленькая худенькая. И у меня осталось это чувство, что она худенькая, незащищенная. Увидела такую полную девушку. Тяжело...она прожила тоже, в детский дом ее. Блокада. Она ужасную жизнь прожила.

02:10:24

А как она выжила в блокаду?

Я же не была, я же сидела.

02:10:36

А что она рассказывала вам?

Про блокаду? Никогда. Никогда. Она умирала. Сестричка младшая умерла и мама умерла. Их просто вынесли на лестницу, и дальнейшее неизвестно.

02:11:05

А вы сейчас общаетесь с сестрой?

Да, конечно.

02:11:10

Расскажите чуть-чуть, чем она занимается?

Она... у нее хорошая семья, у нее двое прекрасных сыновей. Муж, к сожалению, умер. Она всю жизнь работала. Ну, как-то все-таки она жила человеческой жизнью, дети очень хорошие и сейчас они очень о ней заботятся, очень заботятся. В этом ей повезло.

02:12:10

А может рассказать — просто это нужно для исторического факта — как выглядит роддом в лагере?

Роддом — это же все заключенные, только врачи. Вернее, она вольнонаемная была, ужасно грубая, ужасная баба такая, просто баба такая страшная, которая ненавидела этих женщин. За что — она не объяснила бы, наверное. Вряд ли. Потом, сам факт этого, когда детей забирали, просто забирали, увозили и все.

02:13:15

Это было в законе? Почему там, только год можно было?

Почему в законе?.. Да, в законе, да. Видите, как бы, все по-человечески, но матерей не оставляли, и детей увозили в детские дома. Потом очень, я не знаю хороших концов, потому, что дети оказывались страшно больными. Все здесь большое.

02:14:19

И давайте последний вопрос уже. Какое отношение было в лагере к Сталину?

К Сталину? Надо понять, что... не знаю, вы же ребенком совсем были, сколько вам? Вы же помните, родители ваши — все же жили под страхом. Кто его любил, да, были, конечно, такие, которые его любили. Но это чудовищно, по-моему.

02:15:06

А почему его сейчас воскрешают опять?

Потому, что люди нуждаются в силе. Почему они нуждаются в силе? Это такой век. Вы сейчас живете так, когда эти весы работают. Человечеству нужно, они прячутся, они надеются на эту силу, потому, что они, она им ломает периодически историческими событиями всякими, нравственными, некоей нравственностью, приблизительной. Очень несовершенные мы, вы не находите? Несовершенные.

02:16:19

Еще вопрос один, последний. Почему вы книгу начали писать?

Книгу? Это была потребность.

02:16:43

Вы собирали истории? Как-то записывали, была возможность записывать где-то?

Нет, я просто села, начала писать — и уже само писалось. Закончилось каким-то таким порывом, который я осуществила. Должна была, хотела.

02:17:14

Ради чего это было сделано, ради кого?

Ради кого? Ради того, что это было. Что я смогла это сделать. Сколько людей ушло со своими историями. И о них никогда никто не узнает. Я, почему-то, захотела это довести до конца таким образом. За что расстрелять человека? Вы не были на Левашовской пустоши? Обязательно поезжайте и посмотрите этот памятник.

02:18:18

А что это за памятник?

Расстрелянным, убитым. Там он лежит как бы на плахе уже мертвый, и какое-то чудовище, которое уничтожает, монстр. Уже растерзанный человек.

00:00:00